

Эрнест Зариньш

Лес на семи холмах

Сборник рассказов и пьес

Эрнест Зариньш

Лес на семи холмах. Сборник рассказов и пьес

«Издательские решения»

Зариньш Э.

Лес на семи холмах. Сборник рассказов и пьес / Э. Зариньш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967451-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В этот сборник вошли три мои произведения, два рассказа в жанре фэнтези и одна пьеса. То, что их объединяет, — подчиненность идее народного блага, справедливости, пусть даже и справедливости в немного иных от нашего мирах. Но ведь это так интересно, иногда почувствовать, что ты можешь рядом с собой создать такой вот справедливый мир. Для этого, впрочем, абсолютно не требуется уходить в иную реальность. А вот есть ли в этих рассказах намек на нашу «родную» реальность — пусть решает читатель.

ISBN 978-5-44-967451-7

© Зариньш Э.
© Издательские решения

Содержание

БуффПротест 6
Глава 1 7
Глава 3. Чиновническая благотворительность, и как из неё выбраться? 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Лес на семи холмах
Сборник рассказов и пьес

Эрнест Зариньш

© Эрнест Зариньш, 2019

ISBN 978-5-4496-7451-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БуффПротест

Глава 1
Перед замком

Плотная шеренга гвардейцев окружила дворец. Главный и единственный дворец Лантивии, расположенный в столице, возвышался остротой своих шпилей над шеренгой серых, потрескавшихся от старости зданий. Остальные роскошные замки вынесли уже давно за черту города, ибо боялись поджогов обедневших крестьян, и городской мерзкой бедноты. Один лишь он, каменный, желтой отделки, нависал над столетней каменной набережной, напоминая о временах, когда и он был лишь зданием, где проводили свое время местная детвора, родители которой в этот момент строили очередную библиотеку или школу. Но эти времена прошли. Теперь это здание называли замком Ночи. Недовольные извозчики хмуро поглядывали в сторону этих неприветливых порождений городской величественной Тьмы. Да, да, именно тьмой повелел называть свое царство наследник величественнейшей из демократий Сатарпа Первого Доменциан Второй. Мол, мы настолько сильны и могущественны, как великая кварцевая скала, никакой луч вольномыслия не должен поколебать спокойный холод общественной громадины. Почему он был вторым, никто не понимал. Видимо таким образом он хотел подчеркнуть тот факт, что является последователем уважаемого в народе Сатарпа. Газеты тогда пестрели заголовками вроде «Достойный наследник принял пост», «Почетный уход старого синьора стал сумерками, приход молодого рассветом». Немногие знали, чем был обусловлено новогоднее обращение Сатарпа Первого. И лишь некоторые недорезанные участники драмы, развернувшейся за полторы недели до нового года понимали истиную подоплеку дела. А все начиналось как плохой анекдот.

В тот день было мокро, от льющего третий день с небольшими переменами дождя глиняные улочки столицы Лантивии, Росанты стали похожи на скользкую поверхность студня. К счастью погода была теплая и студень не успевал превратиться в ледяную корочку. Плотная скатерть тумана накрыла близлежащие горы. А по улицам, почти как тени, в обмотанных грубой серой мешковиной ботинках, пробирались убийцы. Кровавые асассины, с бегающими глазами и серыми, щетинистыми, напряженными до оскала лицами. Они, разделившись по трое, уже пробрались через гряду бурых глиняных домов и вышли в сторону сада, через низкие ветви покосившихся деревьев. Из-за спин, из кожаных мешков ассасины достали короткие арбалеты. Между тем не все солдаты встали на изготовку, часть достала серые испачканные глиной балахоны из заплечных сумок и закрыла тканью лицо. Сначала нужно было перебраться через небольшой ров, благо план был разработан до последней запятой, и решение было принято самое оптимальное. На другом берегу, чуть в сторону от скалистой местности, поросшей густой травой высился монастырский домик. В это время как раз начиналось время мессы, поэтому священник находился в церкви, оставив белую хорошо сбитую лачугу под присмотр собаки, небольшого беспородного пса, который вертелся и скулил неподалеку. Видимо репей впился ему в спину, и теперь зудел, не давая спокойно погрызть косточку, которая выглядывала из плошки с супом, стоявшей почти вплотную к скалам рядом с кучкой камней.

******

Глава 1. Почему мэр не сьел своего супа, а китаец получил в награду три мешка соломы

Наемники съезжались с разных концов света, поэтому звучала самая разнообразная речь. Были даже восточные диалекты. Это не помешало им общаться. В королевстве в последнее время модно стало общаться на языке одного из соседних государств, а из-за повсеместного распостранения рынков и балаганов из этой развивающейся страны все общение на их языке

становилось куда более свободным. Конечно же это приносило и свои минусы. Так в местных росантских семьях стали появляться необычные малыши. Но Сатарп резонно на это заметил, что эта ситуация примиряет торговые палаты наших стран, а если что будет и рычаг давления на политические элиты сопредельных стран. В общем, интересы торговцев, ставшие приоритетной мыслью, ведряемой в мозг аборигенов, стали преобладать над торговыми интересами местных деляг. И вот состоялась еще одна коалиция, в этот раз не торговая. Сатарп всем надоел. Причем отнюдь не только тем бунтарям, которые изредка шныряли по узким улочкам наклеивая листовки изобилующие лозунгами и воззваниями. Следует заметить, что народ уже давно не приходил на площади. Сатарп ввел свои правила выражения недовольства, согласно которым, протестующие должны были предварительно регистрировать каждое слово в ответственном органе, а приходить на мероприятия можно было только шеренгами. Иногда шествие заканчивалось обличительной речью Сатарпа. Мол, светлые силы, смутьяны среди народа и смутьяны торговцы проводят разрушительную политикк против нашего Монолита. Пора их заменить на лояльных, отстаивающих наши интересы. Что на деле означало выдвижение нужных Сатарпу торговцев, на нужные места. Это, естественно не трактовалось как коррупция, а лишь как отставание государственных интересов. После выражения недовольства все должны были дружно отправляться на добровольные работы, независимо от того, нарушили ли они чего либо в течении акции или нет. Люди протестовали, а торговцы получали бесплатных работников, которых в связи с их неблагонадежностью переводили на уменьшеный паек. Но эта подачка предпринимательские интересы отнюдь не удовлетворяла. Тем более, что чиновники Сатарпа, нашли себе новое развлечение. Изначально они любили выступать по тротуарам, декламировать оды музам, после чего шли в курительные, где терялись в клубах ароматного дыма, лишь немного оттеняемую горьким тяжелым запахом луж и мужицких трубок. Надо отдать должное Старапу, он заставил каждую чиновничью шляпу наклоняться перед мужиком, просто кабацкие дверные рамы были слишком малы для высоких цилиндров. Сатарп заставил чиновников ходить по обычным кабакам, иллюстрируя сращивание с народом. Чиновников даже заставили скрепя сердце обращаться к городскому отребью на вы. Идилия продлилась недолго. Городской голова шел на важную встречу в муниципальные бани, которые заблаговременно оборудовали отдельными бассейнами. И тут случилась оказия. Точнее оказич проехала мимо чиновника, обдав того черной струей осенней грязи. Только тут чиновничий мозг, возмутился и задумался о качестве городских улиц. По совести решив, что государственному служащему нельзя позорить государство, он заглянул в соседний подвальчик с звонким названием Три банкноты. Все произошло неожиданно, зато лихо. Голова оказался по шею в неприятностях. Дело в том, что городской голова любил во всем и всегда использовать чужую рабочую силу. Вот и сейчас он выискивал кем бы воспользоваться, глаза головы рыскали по залу, вызывая неодобрительные ответные взгляды. За стойкой приветливая, но вся какая-то сморщенная, как будто большая гусеница, с подобной же грацией и повязанным поверх рыжих выцветших волос, платочком, облокотилась ладонями на стойку

– Меня зовут Арда, мы тут с сестрой главные. Управляем потоком выпивки. Без нас тут вся жизнь остановиться. И… – хитро взглянула на голову Арда, – даже не думай думать по другому.

Лучше бы она тогда не улыбалась. Прокуренные желтые зубы и смрадное дыхание заставили мэра откинуться на стуле. Обычная обстановка в городе, где никаких особенных развлечений кроме выпивки и родео по выходным не намечалось. Голова почувствовал некое спокойствие, попросил дозу хорошего горячительного и суп с морепродуктами. Заодно решил сделать себе рекламу, и, повернувшись, отсалютовал двумя пальцами в известном всем жесте. Тут раздался хруст со стороны двух пошарпанных биллиардных столиков. Из темгого угла на свет показалась какая-то маска. В свете лампы выяснилось- это совсем не маска, а искривившееся от раздражения лицо китайца, который нес в руках то, что еще недавно было биллиард-

ным кием. Оказалось, что это местный конюх, и зовут его Мексун Ти Выпь. Быстро проглотив содержимое стакана, Голова поднялся, неодумевая, в чем проблема.

– Ты оскорбил нас, ты должен ответить- прохрипел китаец. Как ты мог…

– Уважаемый, вы же гражданин этого города. Ваши интересы я отстаиваю.

– Это так ты отстаиваешь наши интересы? -в свою очередь возмутился китаец. – Пришел сюда весь замызганный, да и неприличные жесты гостям бара показываешь?

Тут городской голова понял в чем дело, а дело было в разнице культур. В разных странах жесты, трактуемые абсолютно нейтрально означают нечто оскорбительное. Голова схватил стул и приготовился обороняться. В это время, видимо осознав, какие невосполнимые потери потерпит барная обстановка, из подсобки выплыла барменша Арда, но не придумала ничего лучшего, чем обойдя китайца справа, сделать подножку Мексуну. Китаец свалился грузным мешком прямо под ноги чиновнику. Барменша стала яростно сигнализировать окружающим, что костер скандала был потушен, не успев толком разгореться. Несмотря на временное успокоение, чиновник решил, что пора бы уже почистить костюм, и быстро ретироваться из этого мерзкого местечка.

Поскольку неодобрительные взгляды снова обратились на Голову, то он поспешил в уборную. По дороге он встретил девушку, которая несла суп. И поскольку Голова был крайне ленив, он попросил девушку вытереть пятна с его одежды.

– Вы не будете ли столь любезны, – начал было Голова, мягким и вкрадчивым голосом, хитроватой и в то же время застенсивой улыбкой одарив официантку, но тут же осекся. Тарелка с супом выскользнула из рук, и описала в воздухе невиданный пируэт, попутно рассыпая в воздухе брызги красного отвара. Одежда стала еще грязнее.

– Нуу, теперь только стирать.., -покачала головой официантка

– Господин Голова Как вы могли так вымазаться – ахнула стоящая уже в проходе Арда. Ну ладно, вы тут разбирайтесь, а я побегу.

Еще чеез несколько минут чиновник уе стоял около белой раковины, уже оставшись без штанов. Рядом копошилась заботливая оффициантка, застирывая темные пятна, испортившие дорогую итальянскую ткань. Не прошло и трех минут, как дверь с треском распахнулась, и на пороге, подмяв руками бока, встал округлый господин с аккуратной испанской бородкой. Глаза толстяка были словно налиты кровяными прожилками, дыхание было учащенное, словно после долгой пробежки. Ради реализма, стоило еще только бить кожаными разношенными крагами по полу, чтобы сравнение с боевым бычком на родео было бы стопроцентным. Чиновник не успел оглянутся, как был схвачен мощными, похожими на крупные картофелины, руки здоровяка. Схваченный за атласные фалды городской служащий, был поднят в воздух. У мэра буквально перехватило дыхание. Он лишь безвольно размахивал своими руками, которые сейчас больше напоминали длинные сухие плети винограда. Отвратительный запах чеснока, источаемый из уст громилы, позволял почти точно угадать в нем портового работника, или грузчика с рынка. Никакими манерами, как и галантностью данный господин явно не обладал. Как и сдержанностью. Ситуация в буквальном смысле подвисла в воздухе. Чиновник, не ожидавший подобного развития событий, так и стоял, от беспомощности мотая головой, и издавая нечленораздельные звуки, напоминавшие мычание загнагной в тесное стойло коровы.

– По какому праву ты решил, что, коль ты городской голова, тебе все позволенно – вопрошал его громила, который к тому времени упер свой локоть прямо в кадык чиновника, который уже обмяк настолько, что напоминал мешок с брюквой – Ты же за частную собственность и процветание… А жена это моя собственность, на которую ты покусился!

Тут голова градоправителя поникла совсем, чинуша отвел взгляд. Он узнал слова своей предвыборной программы.

– Так вот… А если я приду в твой роскошный сад. На твою фавеллу. И буду с наглым видом, никого не стесняяесь собирать в подол твои сладкие фиги, тебе, сволочь, это понра-

вится? А, чего молчишь? – Продолжил громила, периодически исторгая на городского голову смрадный запах пережаренного чеснока. Глаза его выражали явную издевку и торжество над противником. Еще бы.

Если читатель думает, что единственное, что может испытывать оскорбленный рогоносец-муж, это ярость и злость то тут он ошибается. Во-первых никто не отменял возможности, что совесть оного ничуть не чище бархатного покрывала на котором пиршествуют постоянные обитатели бара Три банкноты. Во-вторых, воспользовавшись удобным случаем, муж мог без зазрения совести ухватить изрядный кусок власти над своей провинившейся женой, и больше не отчитываться перед ней в своих похождениях и странствиях. Опять таки, потаскать свою жену за волосы, это для многих дорогого стоит. А тут еще и городской голова пригрел на плечике такую замызганную гусыню, это вообще достойно и ничуть не унизительно.

– Вы..Вы меня… ннеправильно поняли – начал было оправдываться чиновник. Но поскольку опасность, над ним нависшая, не отступала, глаза его продолжал бегать из стороны в сторону. Отчасти из-за беспомощности, отчасти в судорожной попытке отыскать на маленькой кухонке

Средства для скорейшего избавления от ненавистных объятий здоровяка.

– Я не привык к объяснениям. После того, как, отпустив с каторги, вы меня заперли в клетушку при доках, которая окрасила мои легкие в цвет королевского нефрита, и заставии плеваться рубиновыми каплями, после того, как вашими поборами вместо бараньей ноги с луком, вы наградили меня царской похлебкой с тухлыми овощами, после всех этих воистину королевских почестей, ты хочешь отнять мою королеву? Не выйдет. Ты наделил меня гордостью, ты хлебнешь ее сполна. Позовем Арду и спросим кто тут прав

С этими словами он оттолкнул служанку, к тому времени уже опустившую черные, мокрые уже но недостиранные брюки городского головы. Вскоре, подбирая замызганный подол платья в комнатку вошла хозяйка заведения.

…Ну да, -немгого смутившись, заявила она, – Лапал он ее, я думала, вы с ней уже расстались, и она высматривает себе новую партию… Но… Я же специально прибежала к тебе и рассказала все.

Слова хозяйки таверны лились словно осенний дождик, быстрыми и отрывистыми залпами. Слова походили на кудахтанье наседки из хозяйства дядюшки Пьера, местного садовода, который помимо своего большого красного носа славился своим вином и птичьим хозяйством. Сама мэрия частенько заказывала у него индюшку и яйца для приготовления знаменитого мэрского соуса. А сейчас чиновник чувствовал себя так, словно торг идет за его шкуру. Чиновник осознавал, что он поставлен в положение быка при тореодоре, и потери воспоследуют, вопрос только в их качестве, и губительности для деловой репутации. На носу, как красная тряпка, мелькали выборы. И хотя всем уже было проплачено, и основные отрасли прибраны к рукам, после этих, уже разрешенных с точки зрения результата, выборах, народ может возмутиться, прошлогодный, тоже явно подтасованный и почти идеальный результат в этот раз вызовет недоумение после подобных скандалов.

Поэтому городской голова решил не пререкаться и задал простой и всем издавна понятный вопрос

– Сколько?

Бугай размял руки, так, что аж хруст послышался. Некоторое время он смеривал чиновника взглядом, словно пытался решить, каким способом лучше всего расчленить тело, но после согласно кивнул, и хищная небритая морда бугая расплылась в улыбке.

Тридцать миллионов… – хитро улыбнувшись и выпучив наглые черные глаза заявил верзила.

Чиновник явно опешил от такой суммы. Да, именно во столько столичные газеты оценивали его, мэрское состояние, именно столько он сумел выдоить из карманов горожан за три, прошедших с момента прошлых выборов, года. И ведь именно на мнение тех самых горожан, он опирался. Именно на их чувство справедливости и гуманизма он давил в своей предвыборной компании. И вот теперь все пошло бы насмарку. Ни о новой фазенде, ни о новой прислуге, ни тем более о какиз либо предвыборных трюках, как о подкупе псевдооппозиционных лидеров и посулах купцам, лояльным старой власти, можно было бы уже забыть.

Голова у градоначальника поникла. Но тут внезапно двери резко распахнулись, унося за собой жирную тушу вымогателя. В дверях появилась прищурая физия уже знакомого мэру китайца с непривычным именем Мексун. Но мэру было уже не до национальных различий. Мексун между тем знатно приложил портового служащего об стену. Да так, что тот, продефилировав, словно балерина, мимо раковины, рухнул оземь, зацепившись рукой за столик.

Китаец быстро оглядел обстановку, пригладил бородку и усмехнувшись своему стратегическому успеху в драке с противником, который явственно превосходил того в силе, но, как выяснилось, не в ловкости прошипел обнажив свои желтые стершиеся зубы:

– Ну что, спасаемся, или ты намерен дальше продолжить меряться силами с Джуфахом?

Кто такой Джуфах, мэр не знал, однако по смыслу догадался, что так именуют того, чье тело лежало сейчас под мэрскими ногами и уже начинало тихонько постанывать.

Ну, давай же, бежим…

Пальцы мэра словно в судороге схватился за руку китайца, так утопающий в море бедолага схватился бы за брошенный пеньковый канат и с тупым выражением лица и заискивающим взглядом выдавил:

– Спппасибо… я вас не забуду.

Китаец отстранился и толкнул чиновника в дверь. Приданое ускорение вывело городского голову из ступора и тот рванулся с места.

Стоять! Раздался резкий злобный бас из каморки. Несмотря на то, что мэр уже почти покинул помещение, в проеме он успел заметить как все еще держащийся за голову верзила, неуверенной и замедленной походкой вывалился из подсобки

Канальи… Сволочи… Грязные подонки… изрыгал из себя проклятья портовый богатырь. Да так громко, что наверное полдюжины перекрестков очнулись от своей полуденной сиесты.

Какие там приличия… Городской голова сейчас выглядел как какой-то индус из самой низшей касты. Босые ноги чуствовали неприятный холодок городской каменной брусчатки, которую мэр обещал заменить еще год назад. Ноги, уже посиневшие от холода, теперь были покрыты сплошь синими разводами от ударов о камень. Но выбирать не приходилось. Остановиться, чтобы испытать на себе весь гнев докера, который и до удара по голове был не очень то дружелюбным, а после него стал похож на голодного льва, выпущенного из тесного вольера, не являлось достойным рассмотрения вариантом.

Они с новоявленным другом бежали длинными узкими улочками, тут и там наталкиваясь то на бедняков с повозками из досок, которые видимо достались крестьянам в порту в виде длинных ящиков от вооружения, доставляемого ради усмирения недовольных толп по воде прямиком из соседних стран.

Китаец явно ориентировался в городских трущобах куда лучше городского головы. Поэтому мэр беспрекословно следовал за проворным, хотя и какии-то нескладным на вид китайцем.

Позже мэр понял, что его так смущало в облике восточного торговца. Слишком короткие ноги на фоне довольно продолговатого тела, которые еще больше подчеркивались наличием

на них каких-то абсолютно древних туфель-лодочек и аккуратно обвязанных вокруг стоп тряпок.

Китаец привел их почти на самый дальний конец поселка, где дома, казалось, были вырезаны прямо из глиняных валунов, и жестом намекнув городскому голове, чтобы тот спрятался за угол, стал осматриваться», приставил к губам палец и произнес «Тссс!» после чего внезапно исчез, и лишь через пару минут чиновник понял, куда тот запропастился. Китаец забежал в соседний магазинчик, из которого открывался вид на все четыре улицы, окружающие лачугу, за углом которой спрятался мэр. Китаец уже через несколько минут появился. Уже со спокойным и важным видом он проследовал за угол, где его с нетерпением ждал мэр.

Голова уже весь трясся, наполовину от холода, наполовину от нервного напряжения.

Увидев китайца, тот буквально вцепился руками за синюю шелковую ткань его рукава, заглянул в уверенные серые глаза узкоглазого и спросил того:

– Ну как, мы оторвались?

– Оторваться от этого пропоицы дело несложное- усмехнулся китаец, сощурив и без того узкие глаза. Кончики его длинных, опускающихся вниз, почти до шеи усов, раздвинулись, и ряд желтых сточенных зубов показался, являя некое слабое подобие улыбки.

– Все же я благодарен тебе, – расплылся в смущенной улыбке мэр, и стал поправлять смятую рубашку. Может быть ты сможешь достать мне новые брюки

Китаец ухмыльнулся. Только сейчас он, оглядев фигуру мэра, понял, что в попыхах мэр забыл ухватить с собой наспех застиранные брюки, и бежал в исподнем, вызывая, наверняка, у прохожих смешки и сравнения с чудаком, только что покинувшим местное отделение бедлама. Было в нем что-то и от марафонца, и можно было бы подумать, что на самом деле это марафонец, сбившийся с дистанции. Но солидный сюртук и золотые часы на цепочке придавали всему марафонскому благолепию абсурдность и откровенный диссонанс.

– Может быть не стоит возвращаться за своими панталонами, суньор? – Сощурив веки, на манер китайского старца, ухмыльнулся новый знакомый мэра. Судя по акценту, он явно не был

– Пообсохните немного, вот здесь, на моей циновке, а я пока что-нибудь придумаю… Хотя… Голова китайца склонилась, явно вынашивая некую, особо крамольную мысль.

Тут он заглянул за пестрое покрывало, отделяющее скромную комнатку, отделанную бамбуковыми стеблями, в которой на подстилке разместился мэр, от темного коридорчика, в котором была тьма тьмущая всяческих китайских висюлек, свисающих прямо с потолка.

Жестом он пригласил в комнату кого-то, и щека мэра невольно дернулась, когда шторки раздвинулись… Но через минуту весь страх испарился, когда он увидел чудесное миниатюрное создание, обутое в легкие сандалии и в легкой белой ткани, припоясанной золотой тесемкой.

– Знакомьтесь, это Айра, моя сестра. Она швея. Я думаю, она сможет снять метку с вас, а уж тканями наш китайский квартальчик ценится. Уж поверьте мне.

В ответ короткая строгая чёлка китаянки взметнулась ввысь, и сразу упала вниз в поклоне. При этом обнажился откровенный разрез её платья, и сквозь белую ткань проступили очертания скромной небольшой груди.

Чиновник полез было во внутренний карман, для того, чтобы оплатить ткань, на что китаец строго глянул на него из-под черных бровей, и произнес:

– Я так думаю, что благосклонность мэра, в свое время проявится. А это всегда намного ценнее звонкой монеты.

Теперь все моменты, которые терзали городского чиновника до этого потихоньку стали развеиваться. Что двигало этим человеком, когда он резко сменил гнев на милость, сначала, движимый патриотичным народным гневом он полез на мэра с кулаками, но теперь, почувствовав свою выгоду, решил действовать из соображений практических. Для мэра все это было

настолько привычным, что ещё более заставило чиновника лишиться изрядной доли настороженности, он подобрал под себя ноги, уютнее располагаясь на циновке, и посмотрел на китайца взглядом, выражающим уже больше склонность, нежели недоверие.

– Ну я всё-равно должен определиться с размером награды… Не могу же я отпускать с пустыми руками добродетельного горожанина, тем более, что он принимал меня у себя дома.

Тут китайца отвлекла темноволосая девушка, которая начала что-то с чувством шептать тому на ухо.

– Ах, да, -всплеснул руками Максун, – как я мог забыть все правила гостеприимства… Айра! – обратился он к уже отступающей в сторону двери девушке- Принеси нашему дорогому гостю бодрящий напиток, наше с ним путешествие не способствовало укреплению силы. Мне то не привыкать к тяжелым физическим нагрузкам, то ли дело нашему гостю…

– Хорошо, – скромно отозвалась Айра, снова поклонилась и её нежные бедра запорхали к выходу.

– Когда-то она была женой торговца, который возил пряности на нашу землю, безусловно, можете мне поверить, она знает толк в приготовлении этого чудного напитка, она же помогала готовить не только чай, но и даже снадобья для королевской армии, в самые тяжелые года, когда мы вели войны и завоевывали земли.

Именно в одной из таких компаний умер её муж, знатный и почитаемый торговец, привезший её сюда ещё в детстве. Надо сказать, именно благодаря ей и я обзавелся здесь своим делом, я развожу посылки на моем старом ишаке, который уже настолько ленив, что ест, наверное, больше, чем я успеваю на нем заработать. В последнее время мне доверяют разве что местные фермеры возить свою нехитрую продукцию, молоко, яйца, зелень, мясо… Вот если бы мне найти постоянного клиента!

– Но вы не подумывали над тем чтобы сменить ишака на лошадь? – Улыбнулся мэр

– Вы знаете, я живу в такой бедности, к чему я, пожалуй, что и привык уже. Консерватизм у нашей семьи проник в кровь. Я веду мирную размеренную жизнь, как и многие горожане, нам не нужны перемены… Да и потом, привык я к моему Лансу. Это так я своего серого ишака называю. Ланселот. —При этих словах китаец разразился таким ядовитым смехом, что и мэру пришлось выдавить из себя кислую улыбочку.

– Вот моя сестренка, я думаю, она достойна лучшей доли… Г-н мэр, я не буду слишком навязчивым, если попрошу пристроить её в штаты? Наверняка у вас, в мэрии, есть какое-нибудь местечко, где такая гостеприимная и дружелюбная сотрудница пригодится…

Мэру ничего не оставалось как согласиться.

– Я думаю я смогу пристроить вашу… кхм… девушку – мэр потупил глаза. Ну… Я постараюсь.

Китаец улыбнулся так, как будто дело было уже сделано, и пожал мэру руку.

– Спасибо, уважаемый, я так переживаю за её судьбу намного больше чем за мою, вы же понимаете, я чувствую себя в особом роде обязанным…

– Да, конечно… Смущенно произнес мэр, уже приготовив следующую фразу, чтобы побыстрее вывести себя из неловкой ситуации – Вы сможете организовать мне незаметный проход до мэрии, я же не хочу, чтобы по городу пошли нехорошие слухи, да ещё и перед выборами.

– Я уже позаботился об этом, – произнес китаец, подняв указательный палец вверх и в очередной раз обнажив желтые испорченные зубы.

За дверью послышались шаги, и китаянка принесла две пары брюк и странные пиджаки, с шелковыми рукавами, на груди одежда была обшита, на манер китайской одежды, полосками ткани.

– Это что? – взвился мэр, самолюбие которого было уязвлено предложенным ему рабочим платьем китайского ремесленника. В ответ на это китаец лишь по-дружески похлопал по плечу чиновника, кивнул и пояснил:

– Я, естественно, понимаю, вам как городскому голове не пристало ходить как простому рабочему, но всё-же призываю вас хотя-бы сегодня принять на себя этот образ, вы ведь хотите слиться с толпой, чтобы вас не узнали?

– Да… конечно же… – подтвердил городской голова, как будто-бы в спешке, поправил очки. Мэр стал понимать для чего нужен весь этот маскарад. Еще не хватало ему тугодумом прослыть.

– А пока что я предлагаю попробовать нашу фирменную утку с инжиром – китаец подошел к стенке, открыл незаметную дверцу, достал пузатую темную бутылочку в оплетке, с резким звуком откупорил, и пригласил жестом городского голову подняться на второй этаж, где его ожидал невысокий стол с белоснежной простыней, рядом стояла огромная зеленая колба, разукрашенная золотистыми узорами- кальян.

Стульев не было- китаец объяснил, что они вкушают пищу сидя на полу на циновках. Циновки оказались довольно удобными, хотя мэру пришлось снимать туфли. Что абсолютно не было поперек его интересов – после долгой пробежки подошвы его дорогих ботинок буквально прилипали к коже ног от жары, а ещё, казалось, он натер палец на правой ноге.

Когда мэр сел на тростниковую подстилку, а Айра принесла холодную воду в кувшине с лимоном и льдом, вино разлили в непривычные для мэра маленькие рюмочки, а с лестницы уже вился парной вкус птичьего мяса.

– Мы выдерживаем его на пару довольно долгое время, – дружелюбно протянув городскому голове сочную пеструю массу с темной корочкой. Можно конечно все сделать быстро, но это нарушит наши обычаи, тем более, что мы, китайцы, народ терпеливый, и никуда не торопимся.

Мэр вдохнул аромат, пропитывающий буквально каждый уголок небольшой комнатки, взял с большой тарелки грубой отделки, с перламутровым, как у раковины, экмалированным покрытием тонкую деревянную палочку, на которую слоями было нанизан лук, сыр, перец, инжир и собственно темное мясо.

– Это наш рецепт, мы единственные, кто умеет так приготовить птицу – расхваливал между тем себя китаец, и его краешки глаз подрагивали от усмешки.

– Ну а вот, помимо вашей проблемы, какие ещё у людей существуют нужды? – решил продолжить беседу мэр.

Китаец отхлебнул из рюмки вина, потеребил тонкими белыми пальцами свои усы, и неторопливо произнес.

– Мэрия в том году постаралась, но не всё вы продумали. У нас самый отшиб города, дальше живут крестьяне, которые часто приходят к нам, больше даже не ради того, чтобы закупиться всякими сельскохозяйственными машинами и бытовыми товарами, а для того, чтобы отвезти обратно к себе бочки с водой, которой у них катострофически не хватает. Я думаю вам стоит задуматься над тем, как сделать лучше местным крестьянам. Я думаю вам стоит сделать большой ров, где земледельцы смогут набирать себе воды столько, сколько будет угодно.

– Да, -согласился мэр, -это и вправду хорошее предложение. Ах, если бы мэр знал, чем обернется для него это согласие.

Вечером, снарядив небольшую повозку, новоявленные друзья выехали из дворика, по брусчатому уличному настилу зацокали копыта Ланцелота. Серые копытца сверкали

в вечерней темноте, а на дрожках сидели два силуэта в мешковатых рабочих костюмах и в длинных вязаных шапках.

По улицам проезжали только редкие повозки зеленщиков, которые торопились после рабочего дня отвезти свой товар домой, прохожие, которые в основном направлялись в вечерние пабы города также не обращали особого внимания на двух рабочих, которые подстегивая серого ослика уже выбрались из подворотни и вели свой путь в даль длинной замощенной улицы. Фонари ярко освещали повозку, так что грабителей сейчас опасаться не стоило, и всё-же второй путник периодически оборачивался, и охватывал взглядом темные закоулки.

Наконец серая спина ослика очутилась около строгой металической ограды на отшибе делового района, по всему периоду участка, окруженного густыми яблочными ветвями. Вдалеке, на опушке, горел притушенный свет дворовых фонарей, мэр незаметно, втихомолку пожал руку второму извозчику, которым на самом деле была Айна, спрятавшая свои густые волосы под монмутскую шапочку, но при ближайшем рассмотрении густые копны волос свисали то тут, то там из-под шапочной окаемки.

– Спасибо за то, что помогли мне в трудной ситуации! – уже подходя к кованой ограде, Мэр выразил свою благодарность девушке.

– Не за что, мы всегда помогаем нуждающимся… – заметила девушка, сверкнув из-под шапочки своими черными глазами

– Я надеюсь на вашу благодарность- чуть погодя добавила она.

Уже удаляющийся крадущимся шагом чиновник не заметил, как на лице девушки проскользнула тень ехидной улыбки.

Не задерживаясь ни секунды, девушка повела Ланцелота вдаль, вперед, свернув в тихую ночную улочку, где её ожидал уже знакомый нам китаец. Запрыгнув на повозку, тот сказал ей пару слов на китайском, и они отправились в путь. Через три квартала группа силуэтов приблизилась к повозке, все они были в странных черных накидках. Как только они поравнялись с колесами телеги, самый внушительный силуэт откинул свой черный капюшон, и под черной шелковой тканью обнаружилась немного угловатая покрытая шрамами физиономия.

– Наконец-то, мы ждем уже давно, наши люди тебя потеряли по дороге…

– Ну так на то я и професссионал, -ухмыльнувшись заметил китаец.

– Да уж, сноровки тебе не отнять, бок до сих пор болит… Да и скулу всю перекосило. Хорошо, что Айна сделала мне спиртовый компресс – незнакомец в плаще потер ладонью мощную скулу. Ну и вовнутрь конечно-же досталось. Хорошая у нас хозяйка.

– Не без этого. А драка это у нас в крови. Всё-таки восточные племена живут дружными общинами, а чем больше врагов, тем и община дружнее. Вот приходится всё время попадать в переплет, поэтому и учимся боевым искуствам.

– Ну и отлично, а как тебе моя сестренка? – незнакомец поднял свой тяжелый взгляд на возницу, и обнажил желтые клыки, которые в ночи ещё больше походили на зубы какого-то монстра из сказок.

– Ну местами ты был настолько грозен, что я начинал подозревать, что и вправду между вами что-то есть.

– Ну и ты хорошо сыграл. Местами очень уверенно, – скривился собеседник китайца и подпер рукой бок, который видимо ещё болел, – можно было и полегче.

– Ну ради общего дела можно и потерпеть- виновато улыбнулся Мексун.

– А теперь, как и договаривались, пошли к г-же Манте, я передам ей собранные гульдены, и она выделит тебе соломы для скота.

– Да, было бы не плохо. Ланцелот поэтому так долго до вас хромал, что давно не кушал сытно.

В это время Ланселот, как бы подтверждая слова своего хозяина, подгреб длинным языком полу платья Джуфаха, и притянув к себе начал с упоением жувать.

– Ах ты негодяй! Ну-ка усмири своего ишака!

– Лансик, прекращай, есть вещи и повкуснее грязной дешевой ткани… – По раскрасневшейся физии и вздымающимся ноздрям Джуфаха было видно, что этот разговор ему совсем не по нраву. Мексун же, казалось, только и ждал, чтобы начать новый раунд потасовки.

Как бы то не было, в споре, как это часто бывает, победил осел. Он издал громкий призывный крик, и оба собеседника поняли, что если не дать ему насладиться обещанным сеном, то безжалостно зажевана будет не только одежда Джуфаха, но и шляпа Мексуна.

Поэтому они побрели, оставив толпу помошников с факелами, удаляясь в осеннюю тьму. Большая неуклюжая фигура громилы, и маленькая, но жилистая фигурка китайца.

Глава 2.

Как лодочник потерял свою вторую лодку, а сеть рыбака не напрасно, но безнадежно порвалась.

На горизонте вовсю занимался рассвет, тени прибрежных ив скрывали от безудержных лучей восходящего солнца выцветшие, покрытые тканью, деревянные остовы лодочек, которые, словно стадо барашков скопились у берега.

Лучи солнца пытливо проникали даже в самые отдаленные уголки Ландрии. Сегодня Ангрин, местный лодочник, который занимался тем, что резвлекал немногих странников, которые путешествовали по восточной части страны в паломничество предлагая им всевозможные маршруты по морским просторам, проснулся раньше именно из-за лучика солнца, который скользнул по его лицу, потом поежился в постели, кинул страстный взгляд на свою молодую жену, спустил ноги с кровати, и сидел так ещё минуты три, пытаясь продлить хоть на немножко состояние сонной неги.

Сегодня особенных задержек на работе не должно было быть, и именно поэтому Ангрин, перед тем как закрыть за собой дверь спальни, ещё раз повернулся, и улыбнулся, когда взгляд его упал на распаренное от сна тело женушки, в полудреме, потревоженная уходом мужа, она переворачивалась, пытаясь найти самую оптимальную позу, чтобы вернуться в объятия Морфея…

Прошло уже немало времени с того момента, когда мэр занял свой пост, и вот уже второй раз занимал почетное кресло городского головы, пользуясь популизмом и первоначальной растерянностью горожан после смерти Сатарпа первого. В ход пошли специально нанятые политики из разных лагерей, ведущие хитрые паучьи схватки, хотя финансировались они из одного источника. Играя на тонких чувствах привязанности горожан к привычному порядку вещей, через городской листок люди мэра пугали народ страшными последствиями, развязыванием войны с соседними графствами. Другие обличали этих писак, объясняя, насколько абсурдны их речи, при этом завоевывая популярность плебса, и в нужный момент начинали агитировать, не напрямую, конечно, исподволь. Естественно, пришлось нанять обширнейший штат бумагомарателей, в том числе многие были выписаны из-за границы. С учетом специфики работать на мэра пошли люди из того сословия, что в любом приличном обществе называется сволочным. Не стесняясь в выражениях те принялись клеймить конкурентов.

Ангрин, конечно же никогда не верил подобным «подмастерьям от пера». Одно время, он, как неглупый горожанин, даже пытался найти выходы на новоизбранного мэра, чтобы доказать тому, что по разветвленной сети каналов доставлять королевскую почту намного удобнее, чем конные омнибусы, и уж куда надежнее, чем обычные фельдъегеря, которых хлебом не корми, дай только в кабак заглянуть, потрогать за неприличные места местных приличных девушек и выпить хмельного пива, или испанского вина. Частенько бывало, что под действием хмельного напитка у солдатов короля пробуждалась невиданная залихватская удаль, в каждом углу начинали видеться враги империи и гнусные шпионы, направленные в империю с одной лишь целью. Вредить императору. Причем градация и злонамеренность недружелюбных действий подлецов варьировалась в зависимости от степени подпития бравых охранителей, в большую или в меньшую сторону. Ломать королевскую утварь, скрипеть половичком, натравливать на лошадей глашатая местных дворовых собак, всё это для егерей в крайней степени «нагруженности» отдавало не просто пакостью, а изменой идеалам, личным покушением на монаршею власть, и гнусным проявлением реваншизма. Хотя были у такого поведения королевских послов и положительные стороны. Так, местные полицмейстеры, лишь завидев очередную тушу в зеленых штанах (а именно так одевались царские глашатаи), которая медленно заваливалась на бок, в ритме конской иноходи, периодически разрождаясь матерными куплетами, разносящимися по сонным улочкам, понимала, что скоро придёт их час. Сообразительные слуги порядка, быстро сообразив куда дует ветер, следили за такими наездниками, и лишь только очередной горожанин умудрялся (а уж это, поверьте, было дело плевое) попасть под их горячую руку, тотчас же возникали, как будто из-под земли, тут же, словно отдавая должное слугам короля, препроводили «провинившихся» за угол.

Вначале они серьёзно брали с них штраф, просто за то, что мешали осуществлению царской службы, а позже уже стали просто в наглую брать побор с постояльцев местных кабаков «за защиту от царских слуг». Они ведь, хоть и пьяные, всё равно при исполнении, и могут за шашку схватиться. Причем безнаказанно. Вот с этими поборами, постоянный постоялец местных кабаков, а по совместительству владелец пары лодок, Ангрин, и боролся. Боролся путем предложенной королю реформы егерской службы. Мол, попроще надо быть, да и подальше от злого населения.

Но, к сожалению, план не выгорел. Мэр понял, куда дует ветер, и распорядился создать особую службу, которая занималась доставкой пиццы и бумаги королю, подвозила местным глашатаям королевские указы, и так далее. Но, через полгода с лишним, возникла проблема, кучера стали жаловаться, что красивые кареты, заказанные местным дорогим подмастерьям-краснодеревщикам, начали стихийно и массово ломаться. Мэр выслал специальную делегацию, из Угра Круглоглазого, Милены Дружелюбной и Остряка Эга Снежного, чтобы проверить дело на месте.

На площадке для карет несколько пошарпанных экземпляров ожидали отправления в путь,

Остальные, видимо были в разъезде. На одну из карет длинноногий верзила-кучер уже затягивал закутанного в разноцветные одежки паренька, второй уже сидел сверху, на крыше кареты, активно раскачивая свои пухлые ножки в длинных носочках, периодически отправляя свои деревянные каблуки в металлический остов кареты, из-за чего по всей площади разносились звуки ударов.

– Эй, Арвид, ты чем там занимаешься, – Угр узнал в длинноногом кучере первого секретаря высшего ордена заморской подвязки, кавалера местной философской ложи Арвида Опорного.

Арвид посадил мальчонку на дрожки, и развернулся в сторону путников.

– Приветствую вас! А я… тут детей катаю. Так сказать, поднимаю уровень доверия к власти среди подрастающего поколения. После этих слов с крыши кареты показалась измазанная детская мордашка, в воздухе послышался свист, и Угр краем глаза увидел, как небольшой камень летит прямо в плечо Эга. С крыши кареты послышались восторженные вскрики. Малыш забил в ладоши, и поспешил слезть обратно на дрожки, понимая, что пора спасаться бегством от неминуемого наказания.

И вовремя, потому как рассерженный Эг уже подбежал к повозке, и потирая подбитое плечо громко выругался. Ему ничего не оставалось, как наблюдать за сверканием удалявшихся по полю мальчишеских пяток.

– …Вот же сукин сын, – Эг оперся о поручень повозки, ибо никак не мог отдышаться. Собственно, его работа и не предполагала каких-либо значительных физических нагрузок, он занимался в королевском ведомстве лишь перенесением на бумагу и переписывание в нужном объеме королевских уставов и петиций, которые позже отправлялись в дипломатические миссии и посольства. Иногда он, правда, осуществлял ещё одну миссию, но уже негласную. Но об этом потом.

Сейчас же Эг, сплюну на серый булыжник, подозвал двух гвардейцев охранения, и приказал им тотчас же проследовать за сорванцом с рогаткой, если он не оставил следов, то путем розыска среди горожан, проследить за ним и привести тотчас для искупления повинности. Гвардеец, наряженный в зеленый камзол, с золотистыми эполетами, в длинных, начищенных крагах, вызвал фуррор среди толпы спешащих по улицам с тазами бледнолицых полных прачек и торговок, разухабистых и сдобных, как и сами пирожки, которые они навязчиво предлагали прохожим. Толпа мешала солдатам искать глазами ускользающий силуэт мальчика, толпа сбивала их с ног, и в итоге, они остановились уже почти на берегу обрыва, отграничивающего старую, величественную городскую часть, с её коричневыми, серьёзными, словно лица присяжных судей, особняками. Здесь не жила всяческая шантропа, здесь обитали солидные горожане, которые никуда не спешили, поэтому улицы были свободны от зевак, торговок, зазывал. Именно на это видимо, рассчитывал мальчишка, устремившийся на эти безлюдные улицы в поисках спасения. Но подобная смекалка сослужила ему плохую службу. Дело в том, что, как мы упоминали раньше, эта часть города располагалась у каменистого обрыва, слойного, как пирог знаменитой в городе г-жи Мэри, бывшей жены крупного городского чиновника, а теперь просто рестораторши. Так вот, лишь только оборванец, следуя спасительному инстинкту свернул на одну из боковых улиц, он понял, что это улица с одной стороны упирается в большой, выкрашенный белым забор, за которым его не ожидает ничего хорошего, кроме троицы черных как смоль белозубых, ощетинившихся в кровожадной ухмылке крупных псов. С другой стороны, следовала лишь узкая тропка, взбирающаяся таким крутым образом на утес, что в торопях можно было легко сверзиться и сломать шею.

Решаться стоило прямо сейчас, не теряя ни минуты, ибо он уже чевствовал за собой чеканный шаг солдатских сапог. И парень решился. Зацепившись за ветку близлежащей яблони, он принялся раскачиваться, чтобы перепрыгнуть на дорожку, ведущую в горы. В доме, прилегающем к саду, уже послышались шаркающие шаги грубых гвардейских сапог. Ещё пару минут, и они настигнут беглеца.

Мальчишка ухватился покрепче и принялся раскачиваться с таким остервенением, что ветка начала хрустеть, в любую минуту грозя неудачливому сорванцу болезненным падением, а также тумаками, а то и вовсе заключением под стражу.

Краем глаза парень увидел уже раскрасневшиеся от погони лица преследователей, которые уже перемахивали через оконную раму, в надежде схватить наглеца и надавать ему по первое число.

Он начал раскачиваться ещё усиленнее и через минуты три уже летел в сторону горного утеса. Немного не долетев, он сумел-таки зацепиться за ребристый край скалы, но, вслед за осознанием того, что он вырвался их рук преследователей, пришло понимание того, что скала больно режет руки, и если он не сможет забраться на гладкую поверхность в течении трех-четырех минут, то имеет все шансы упасть на каменистую землю с высоты 20—25 метров, что будет грозить уже не просто ушибами и синяками, а разбитыми и поломанными суставами, если даже не смертью от камня, по воле провидения попавшего прямо под самый висок.

Как бы больно не впивались острые края камня в пальцы, мальчишка напрягал уже ослабленные мышцы, пытаясь обхватить тяжелую каменную глыбу. И з последних усилий он подтянул ноги к скале, и, казалось, уже нога оперлась на твердое основание, но тут же нога снова сорвалась вниз. Однако этих мгновений хватило ему, чтобы он, влекомый инстинктом выживания, смог закинуть одну руку, обхватив каменный уступ. Чуть позже он понял, что эта новая поза едва ли дает ему больше преимуществ в борьбе против земного притяжения, однако он смог отдышаться.

После минутного отдыха он повторил попытку закинуть ногу на один из горных уступов, что ему удалось, хотя и не без труда. Теперь оставалось всего лишь закинуть ногу на поверхность горного склона и выбраться на дорогу. Однако это оказалось непросто. Впрочем, помощь пришла оттуда, откуда её совсем не ждали.

Внезапно сверху послышался мотив известной песенки из водевиля, который уже месяца два с успехом проходил в основных столичных мюзик-холлах. Сверху показалось спокойное уверенное лицо. Человек протягивал руку мальчику. Естественно, что ни сил, ни желания отказываться от помощи у мальчика не оставалось. Слишком он был напуган погоней, слишком устал висеть над коварной пропастью.

– Уважаемый, если вы не против, я мог бы вам помочь выбраться наверх, – прозвучал спокойный, неторопливый баритон незнакомца, – впрочем, я не настаиваю, если вам нравится тут висеть, я могу вас оставить в том положении, в котором застал.

– Сударь, – откликнулся мальчик, – я бы был вам премного благодарен за вашу помощь, хотя и не знаю ни вашего имени, ни отчества.

– Позже познакомимся, – хитро улыбнулся спаситель – держи руку…

Незнакомец так сильно дернул за руку, что мальчик подумал, какой же недюжинной силой обладает этот, с виду ничем не приметный седоватый господин. Не было в нём ничего пугающего, за исключением, пожалуй, глаз. Уж очень круглыми и распахнутыми казались они, буквально как царская гинея, и такими неподвижными и холодными, как пруд в городском саду.

– Ну что же, а теперь давай знакомиться… – губы незнакомца расплылись в улыбке, и только теперь мальчишка почуял в незнакомце что-то неискреннее, натянутое.

– Меня зовут Угр, я занимаюсь скупкой раритетной посуды, у меня своя лавочка в этом квартале- заявил незнакомец, и, по сути дела даже не соврал. Он действительно заправлял целой сетью антикварных магазинчиков, помимо всего, имевших налаженную связь осведомителей среди скупщиков краденого. Недавно Угр персонально открывал точку по торговле шелковыми тканями, на втором этаже престижного торгового зала, но не многие знали о её истином предназначении. Там, в клодовке, был оборудован целый цех, по приведению в порядок украденных раритетных картин, обрамлению оных, переписке копий. Как человек неглупый, Угр, подвизался в помощники министра культуры в правительстве Сатарпа, чтобы периодически посещать с инспекцией тот или иной музей города, и местные любители искуства, меценаты, уже знали, что за этим последует. После каждой такой проверки, Угр картинно закатывал скандал. «Наше государство лишают последних творений великих живописцев! Мы столько денег вложили, чтобы простые люди могли лицезреть настоящих гениев жанра, а нам подсовывают какую-то… -на этом месте он обязательно морщился, словно его заставили съесть полбо-

ченка кислой капусты, – на подсовывают подделки уличных писак, не достойных и мизинца – Угр тут показывал свой холеный пальчик с длинным ногтем, – великих живописцев древности!

Срочно заказывалась карета дпломатической службы, и одна-две картины признанных мастеров древности, отправлялись в долгую поездку в центральную оценочную комиссию. Там все подозрения развеивались, и полотно доставляли обратно в музей. Угр сам расшаркивался перед владельцами галереи, извинялся, приговаривая:

– Вы должны меня понять, это ведь моя прямая обязанность, следить за подлинностью полотен, ну и…я же давно слежу за каждым полотном, помню каждый мазок кисти, а вы постоянно проводите реставрации, никогда нельзя точно знать…

Между тем Угр уже точно знал, что полотно, уже прошедшее тщательнейшую проверку, и так привычно расположившееся в зале очередной галереи фальшивое. Если бы кто-то проследил весь обратный путь кареты диппочты, он бы, наверняка, понял, как происходит подмена. По таинственному стечению обстоятельств, каждый раз перед оценкой, в министерстве культуры, совершенно случайно, на прекрасных атласных шторах вдруг оказывалось чернильное пятно, причем настолько заметное, что не сменить штору было бы просто не простительно. Как это не странно, оффициальным поставщиком тканей был назначен… конечно же магазинчик Угра Круглоглазого. Занавеску сворачивали в большой рулон, и, по дороге от оценщика, заносили в магазинчик тканей Тюльпан.

Которым, как раз-таки и владел Угр. Конечно же, никто и не догадывался, какое тайное «послание» хранит в себе этот рулон. После этого, минут через пять, рулон уже новой ткани выносился из магазинчика и погружался в карету. Разумеется, после этого очередное замечательное полотно уже украшало собой скромную галлерею Угра, располагавшуюся в подземном бункере его дворца, а в музей отправлялась предварительно заказанная у специально нанятого мастера копия. Как говорил Угр, «для плебса достаточно культуры плебса».

И вот, именно этот господин держал сейчас за руку мальчика, простого немного неказистого подмастерья из приморского поселка.

– Поднимайся скорее, не дай бог сорвешься ещё… -то ли шутя, то ли серъезно подбодрил мальчика Угр, и добавил – Это тебе не камешки бросать.

Тут мальчишка и понял, в какой переплёт он попал, с одной стороны за ним гнались гвардейцы, а с другой стороны, абсолютно неторопливо, прогуливаясь, можно сказать, по горной дороге за ним шел ещё один преследователь. Мальчик даже подумал, а не разжать ли руку, но оглянувшись, и увидев, что внизу, под горой порядочное уже количество камней, отчасти и им лично сваленных с уступа, решил не рисковать.

Свидетель.

Выбравшись на пыльную обочину, мальчишка решил, будь что будет, размял ноги, нашел на обочине несколько папоротников, сорвал их и приложил к разбитой во время скальных приключений коленке. Угр не спускал с него глаз, хотя и стоял чуть поотдаль, не мешая мальчику привести себя в порядок. Он знал, что психология подростка такова, что стоит лишь показать свой антагонизм, как подросток тут же станет неприступной стеной, на которую ни одно альпинистское снаряжение не поможет взабраться.

Так или иначе, он взял мальчика под локоть, и повел вниз по склону, с дороги.

Внизу их уже ждала повозка, уже не такая потрепанная и раздолбанная, как те, что стояли на стоянке у Арвида, а большая, черная, с разноцветными перьями на подвеске, с резными колесами, которые присущи всем повозкам при дворе.

Внутри повозки, завешеной белыми шторками было довольно-таки удобно, однако сами обстоятельства поездки не распологали к восторженному состоянию духа.

Угр заскочил на повозку, оглянулся, словно бы делал что-то предосудительное, и быстро дал указание вознице, после чего распахнул дверь и оказался на сиденье рядом с мальчиком. Его лицо сменило выражение с умильно-нейтрального на резко враждебное.

– Ну, сорванец, будь у меня сегодня плохое настроение духа, я бы сейчас снял бы свою треуголку, и провел бы краем шляпы по твоему горлу, а там у меня острое лезвие. Тебя бы нашли местные собиратели фиг, дней через пять, когда твое тело, облепленное мухами, кровоточащее и застывшее, словно побитый в боях, старый остов севшего на мель пиратского корабля уже сложновато будет опознать. Да и, поверь мне, никто и не удосужится пошевелиться, ради такого оборванца, как ты. – Угр картинно провел пальцем по горлу, изображая тот зловещий способ казни, который мог бы ждать ребенка.

– Кто же, неважно из взрослых или детей, смеет нападать на королевского советника? Или ты думал, что правосудие тебя минует?

– Нет, мсье… – выдавил из себя слабым голосом мальчик, понимая, что дело становится все серъезнее и серъезнее.

– Оставь, мы тут не в придворные игры играем. Лучше расскажи, кто ты, почему ты позволил себе такие вольности, да и вообще, как ты оказался на этой злополучной повозке?

Мальчишка подумал некоторое время, и понял, что отпираться уже нет смысла.

– Меня зовут Артенис, я сын Марианны, торговки пряностями на рынке, как и многие мальчишки, я обычно разношу всякую мелочь для местных купцов, а иногда я вместе с друзьями прихожу на площадь, где стоят повозки, поскольку единственное удовольствие, которое у нас есть в городе, это прокатиться с ветерком на повозке Арвида. Правда это случается не часто, раз-два в неделю, на большее моего жалования не хватает…

– Как? – глаза Угра, и так от природы круглые, как пятаки, при этом округлились ещё больше – Этот пройдоха, оказывается, позволяет вам кататься на служебных каретах, да ещё и берет за это плату? …Теперь понятно, почему служебный транспорт в таком плохом состоянии…

Казалось, Угр уже не был так зол на мальчика, он отвлекся, будто-бы в его голове негодование проделками сорванца сменила некая мысль, которую он хотел обдумать.

– Таак… -после некоторой паузы произнес он, словно встрепенувшись после полуденного сна, – а твоя мать Марианна, это та самая Марианна, о которой писали все городские газеты? Та, которая доверила Сатарпу опеку над своим сыном?

– Ну… да… -подтвердил мальчик, -Она самая.

– Понятно, значит ты в курсе всей этой истории? – продолжал выспрашивать Угр, отодвинув занавесочку и якобы рассматривая окрестности, пробегающие мимо торопящегося в город омнибуса. Знающие Угра люди сразу бы сказали, что именно в такие моменты он наиболее сосредоточен, а значит опасен.

– Ну, я знаю немного, мы живем бедно, заместо обычной стенки, в нашем домике моя мать оборудовала нечто вроде перегородки из фанеры. Я всё время жаловался, что через нее зимой задувает северный холодный ветер, но ничего другого себе позволить мы не могли. А примерно за полтора года до событий на рынке, мать стала молчаливой, замкнутой, часто брала светильник, выходила в соседнюю комнату и проводила так часами перед темным окном. Иногда она, словноукушенная дикой мухой, бежала в ванную, душилась, причесывалась, потом с дикими глазами выбегала в коридор, чистила свои единственные приличные туфли, и выбегала на улицу, кидая мне вслед «Последи за хозяйством, и никого не пускай, пока меня нет…»

Так продолжалось некоторое время, пока живот у нее не начал округляться, тогда встречи почти прекратились. Хотя раз в месяц она опять покидала наш дом. Ну а потом она слегла от неизвестной болезни, почти на месяц.

Все думали, что мой брат родится мертворожденным, однако он выжил, и, хотя был хлипким и болезненным мальчиком, успешно дожил до 12 лет. В один вечер мать попросила меня собрать урожай яблок в саду, а сама, вместе с братом взяла кое-какой товар для продажи, и пошла на рынок… Больше я ничего не знаю, синьор…

– Хорошо, я понял – отрезал Угр, словно он торопился на светский раут.

– Иди домой, – в голосе королевского советника снова прозвучали добродушные нотки, – возьми, вот этот презент от меня. И он отдал мальчику карманные часы с королевской гравировкой, за которые иные оценщики Лантивии отдали бы целое состояние.

– Возможно, я ещё попрошу тебя об услуге, а пока торопись, пока я добрый.

Через несколько секунд дверца повозки захлопнулась, оставив недоумевающего подростка, разинувшего рот, стоять посреди булыжной мостовой, почти на самой границе отделяющей город от предместий. Мальчик постоял ещё с минуту и бросился домой.

Так повелось, что, помня об участи своего предшественника, Сатарп следил за передвижениями своих родственников, почище чем иное разведывательное ведомство следит за потенциальными шпионами – иностранными дипломатами. Чаще всего, под видом горожан, пекарей, простых зевак, клоунов, выступали специально обученные лейб-гвардейцы, но с течением времени, королевской гвардии откровенно надоело заниматься ерундой, обряжаться во всякие чудные, а то и откровенно грязные и промасленные одежды, и выдавливать из себя улыбку при виде столь августейшей особы, да и опасение, что в рядах каждый год проходящей по дорожкам королевского сада военной процессии кто-то из семьи заметит знакомое лицо, вынудило Сатарпа идти на радикальные меры по обеспечению безопасности. И если взрослым ещё можно было объяснить, что кругом враги, и надо опасаться, то мальчонка мог и не внять увещеваниям. Это, кроме того было сложно сделать ещё и по той причине, что Сатарп создал культ коленопреклонения и восхищения всем, что исходит из его уст, прогрессируя на словах и в рейтингах все больше и больше, так что даже его родственники не могли и представить, что остались ещё недовольные удивительно рациональной и благой для государства политикой Сатарпа. Но в конце концов король объяснил, что люди могут просто растерзать королевского родственника просто из обожания, и для того чтобы обеспечить сохранность столь драгоценных для государства бездельников, необходима охрана. С приемным сыном была совсем другая история. Он отличался от своенравного, но тихого Сатарпа своим неуемным нравом. Постоянно влипал во всяческие истории, то ездил на лодке в сторону моря, ловить местных прибрежных змей, то сплавлялся в бочке по бурным склонам водопада на западе. Впрочем, некоторые недоброжелатели из южных земель, в основном бесследно пропавшие позже, намекали, что не так уж все просто в той истории с приемом Доменциана в семью. Дело было в том, что оффициальная версия гласила, что добрый Сатарп, во время посещения одного из захолустных городских рынков заметил нищенку с ребенком, подбирающую у продавцов подгнившие фрукты.

И вот, король, оставил свою свиту, и подбодрил женщину, подарив ей целый кошель золотых монет, чтобы она не побиралась, а после королевские посланники приехали в её деревеньку и забрали мальчика «на воспитание» во дворец. Естественно многие тут же заявили, что это было сделано только лишь для того, чтобы поднять популярность короля Тьмы. Но конкретной информации никто дать не мог.

Так что ограничились слухами и несколькими пространными публикациями на страницах желтых газет, которые обыватели пообсуждали между собой недели две, выгуливая своих дам в городских парках. О судьбе женщины, которой пришлось попрощаться со своим ребенком никто так и не вспомнил больше. А между тем особенно пытливые журналисты выяснили, что женщина покинула деревню, и теперь обитала на берегу моря, помогая местному приюту, в котором была кем-то вроде повара.

Мальчик же рос, возмужал уже настолько, что его постоянно тянуло на всяческие приключения. И именно в этот момент король схватился за голову. И не мудрено, ведь мало того, что влезть в друзья к именитому недорослю норовят не только умнейшие люди империи, но и проныры, нечистые на руку люди, и всяческий сброд.

Именно поэтому Сатарп однажды призвал на помощь своего советника Эга, который многое знал о проделках королевского пасынка, поскольку, помимо всего, в его обязанности входило также и надлежащее образование подростка. Ему приходилось периодически следить за тем, чтобы учителя мальчика исправно делали свою работу, чтобы подросток не использовал свое властное положение непредусмотрительно, чтобы не посещал всяческие увеселительные мероприятия не свойственные его кругу.

В итоге во многих обстоятельствах жизни Доменциана, королевский советник был более осведомлён, чем даже сам король. Неудивительно, что один раз король Сатарп вызвал Эга в свои покои. В то время как раз начиналась пора созревания персиков, и королевский раб принес им целую корзинку этих розовато-желтых плодов. Откусив огромный кусок, так, что капающий сок залил не только бороду Сатарпа, но и стал стекать по руке к краю его одеяния, Сатарп спросил:

– Ну, как там успехи у моего пасынка, как прогресс? Не допекают ли его учителя?

На это Эг хотел было заметить, что такой парень, как наследник Доменций сам кого хочешь скрутит в бараний рог, но решил отделаться формальностью

– Нет, он очень увлечен учебой, иногда я даже прошу его отвлечься и заняться развлечениями, и я вижу, с какой неохотой он отрывается от учебника…

– Ну да ладно, неужели уж я не понимаю, что такие как Доменциан не может и получаса усидеть на одном месте. Ей богу, когда я приметил этого мальчугана, я не думал, что он столь проворный. Ну, впрочем, хорошо, что он тянется к знаниям. Нам, знаешь ли аристократии, иногда нужно на балах блестнуть красным словцом.

– А неужели вам не интересно самим что-то узнать? У вас такая шикарная библиотека в старом городе, постоянно зарубежные купцы привозят интересные списки, философия, астрология, арифметика? – решился задать вопрос Эг.

– Ну это все конечно очень интересно, -заметил, ухмыляясь верховный правитель, и вытер руки об парчовую одежду – Но нам надо не сидеть на месте, развлекаясь всяческими исследованиями, нам не нужны сильные места в нашем управлении, нам достаточно знать слабые места в чужом. Сильно умные чиновники быстро расхолаживаются, превращаются в этакий мягкий плод в руках плебса, его легче раздавить народными настроениями…

С этими словами он раздавил пальцами зажатую виноградину, и белая мякоть упала на красную скатерть.

– Ну вот, – властная тяжелая ладонь монарха опустилась на плечо Эга – а теперь пойдем на веранду, я тебе хочу кое-что показать.

Эг послушно проследовал за монархом на второй этаж его жёлтого замка, и они вышли на большой каменный выступ, который возвышался над центральной городской площадью. Куда бы человек, смотрящий с этого уступа не направил свой взгляд, везде мелькали голые спины разносчиков, которые, словно муравьи перебегали от одной лавки до другой, жаря свои бока под нещадным летним солнцем, лишь иногда торговцы были милосердны, и давали им облиться водой, которая оставалась на жаре после растаявшего льда, в котором хранились морепродукты.

– Вот так, жизнь как обман, торговцы обманывают покупателей, продают им подмоченные и подпорченные товары. В свое время, вон тот район города, – король указал на юго-восток, – в свое время, после проигравшей демократии, там обосновались те, кто яростно ненавидел власть полковников, которые передали власть уже нам. Так вот, не многие знают, как я

смог тогда расправиться с недовольными. Бывало, они воровали у нас лошадей, обливали краской стены домов полковников, делали заторы в городе своими телегами, говорят что именно они подсылали воров, чтобы те нападали на царские обозы, везущие еду и золото во дворец, а ещё они… они… – лицо Сатарпа выразило страшное возмущение, -эти негодяи забрасывали их сады зернышками симсима, в итоге птицы портили тем все запасы сладких абрикосов, а полковники, скажу я вам были самыми отчаянными сладкоежками, именно от них пошел обычай, который мы соблюдаем до сих пор, а именно… -король опять надкусил абрикос, – во время важных встреч угощать друг друга фруктами из своих садов. А под конец вообще ушли в леса к югу от Лантивии, задумав устроить бунт. Так вот, знаешь, как я справился с этим бунтом?

– Нет, Сатарп, – Эг сидел в кресле, подпер щеку рукой, в предвкушении интересного рассказа.

– Так вот, к чему я и веду, я обнаружил у повстанцев слабое место. Самое неизменное из привычек всех древних, и не очень цивилизаций. А именно бабы… Самое опробованное и безотказное средство, я тебе скажу – Сатарп разразился сочным смешком, потом пригладил бороду.

Ну так вот, сначала я нашел среди толпы провокаторов, которые были, в силу их крайней бедности поработать на меня, я буквально вытягивал их из толпы протестующих, и мои соглядатаи (которые, естественно прикидывались местными купцами) трясли перед ними мешочками с золотом, которое они предусмотрительно всегда носили с собой. Никакой особой задачи они своим наймитам не ставили, что было поразительно для последних. Протесты шли своим чередом, а соглядатаи короля с завидной периодичностью наполняли карманы некоторых горожан. Условия были просты, держать язык за зубами, да копить все деньги у себя дома, не показывая их никому, даже близким родственникам. Со временем, опять-таки, без общего приказа каждому из «обласканных властью» намекнули, что пора бы собрать некий Комитет спасения. И в среде активно поддержавших данное мероприятие было откровенное большинство нанятых, что и понятно, каждый из них осознавал, что кто-то ещё был посвящен в идею создания комитета и, что естественно для корыстолюбцев, хотел занять главенствующие посты в оном.

Наконец, через некоторое время сформированный комитет стал ширить свое влияние через своих наймитов, распространяя сотни листков-прокламаций, призывавших начать решительную и бесповоротную борьбу за власть в городе, за нанесение окончательного удара по властной тирании. Денег на агитацию у остальных, ведомых лишь своим стремлением к справедливости и опозиционным пылом, не хватало (что и не удивительно, какая конкуренция тут, если деньги на наймитов брались из их личных карманов), хотя некоторые честно пытались нести хоть какую-то крупицу огня в самые бедные кварталы. Всё-таки ни один уголек по сиянию не сравниться с блеском золотой монеты, кто-бы на ней не был изображен.

И в итоге под свое крыло Комитет собрал большинство протестующих, в том числе и из непосвященных. Один из таких, его звали Отроникс Тирадор, был начальником охраны пограничной стражи, и именно его Комитет поставил руководить подготовкой «на полях». В комитет (конечно, не без моего ведома) начинали стягиваться начальники войск средней руки, он объединял под собой некоторых чиновников, которым мои советники подсказывали, что можно рассказать повстанцам, а что нет. В итоге, конечно и мы узнавали их планы буквально через полчаса.

Ну и вы не представляете, как мы смеялись, когда генералы описывали мне, с каким остервенением на собраниях Комитета они расписывали мою публичную казнь, четвертование, колесование. Причем более всего смешило, что некоторые, непосвященные, но влившиеся в Комитет с превеликим энтузиазмом хвалились, как умело они распропагандировали военных и чиновников.

Естественно, что этот театр нужно было прекращать, и со временем, после того, как мои слуги доложили мне, что напряжение уже достигает своей критической отметки, наши военные

предложили такой вот план. Мы, через своих людей в Комитете, начинаем активную фазу, и позволяем людям Комитета занять (с небольшой перестрелкой, естественно) одну из наших вспомогательных баз на северо-востоке, Комитет объявил полную готовность, и его основная группировка уже выдвинулась на горную позицию, вблизи базы, мы специально закрывали глаза, потому как мы знали, что и обратная сторона у этого плана есть. Кроме того, небольшая войнушка бывает очень выгодна, чтобы устранить недовольных, и расширить свои полномочия

А именно, в тот же момент, один из главных бойцов Комитета, а также щедро оплаченный нами шпион в стане врага, Погрот, уже отправился в тыл, где уже наверняка просиживал штаны в каком-нибудь захудалом кабачке. Благо, денег на выпивку мы для него не пожалели. На всякий случай велели ему наладить связи с местным населением. Пьяницы и дебоширы, они народ активный, знают, с кокой стороны подойти к человеку, так сказать по долгу службы своей… – Сатарп в этом месте сочно хихикнул и продолжил.

Как бы то ни было, а уже к вечеру он, согласно нашим планам, должен был вернуться на позиции, чтобы передать бойцам, которые уже, полные энтузиазма, делили бы добычу одну… кхе… неприятную для них новость. А именно ту, что пока бойцы на передовой занимаются ратным делом, их соседи начали сластолюбиво поглядывать на их жён, а некоторых уже соблазнили. Среди самых отважных войнов начало бы расти недовольство.

Пока же, это было не известно нападающим, они не отступали от своих планов, и ко второй ночной страже начали нападение.

Фектически, план нападения на базу был нехитрым, сбоку от базы выставлялся пост бунтовщиков, разведгруппа же заложила большое количество так называемого китайского огня под ворота базы. Для этого они перехватили обоз снабжения, и заполнили его взрывчатым веществом, обложив по бокам сеном. В это же время сзади базы расположился такой же неприметный обоз. В нем, закопавшись в сено, сидели вооруженные боевики. Через решетки телеги они уже взяли на мушку запасной выход с базы. Первая часть плана поностью удалась. Взрывоопасный обоз почти вплотную подъехал к главному зданию базы – серому бараку с права от тренировочных полос препятствия, в котором находилось командование. Раздался взрыв, и среди военных началась паника. Во время подрыва повозки разворотило ногу одному из охранников главного поста. Остальные, как будто-бы прямо по задумке нападавших, начали паническое бегство. Но тут нападавшие не угадали. Несмотря на явное замешательство в стане охраняющих базу, их действия на самом деле не были хаотическими, и этому, естественно, было свое объяснение, о котором не знали бунтовщики. Все планы нападения заранее координировались нами. Итак… Обороняющиеся, оставили небольшое количество солдат на левом фланге, большинство же отступило на северо-запад, в сторону болот, совсем не туда, куда рассчитывали повстанцы. Ополчение начало захват базы, и первым делом начало прочесывать территорию за штабом, слева от входа. Они практически не встретили сопротивления, и после двадцати минут перестрелки стали выходить с поднятыми руками, правда сдача была не целым подразделением, а частями. Так обороняющиеся добыли около получаса драгоценного времени, для того, чтобы основная группировка успешно вышла с базы через болота. Нападавшие и не подозревали, что количество военных, сдавшихся им на милость было четко просчитано. Они и не подозревали, что их первая же победа обернется для них горьким и разгромным поражением, да таким, что слава знаменитого царя Пирра поблекнет в свете их «достижений».

Итак, как мы и рассчитывали, после отступления войск, началость распределение оружия среди повстанцев, теперь их войска больше не напоминали кавалькаду городских оборванцев, а были уже чем-то похожим на городскую гвардию.

Согласно плану, с минуты на минуту должен был прибыть наш посланец из города, Погрот, но он почему-то задерживался. Наверняка он просто настолько злоупотребил крепкими напитками и вниманием женщин кабачка «Три банкноты», что попросту не смог уже оседлать коня. План, продуманный и разрабатываемый нами на протяжении нескольких

недель, грозил сорваться буквально за пару часов. Наверняка, воодушевленные первой победой, войска ополчения постараются занять здания муниципалитета, ограничить подвоз пищи нашим наемникам и профессиональным военным, и лишить нас связи с городом, блокировав единственную дорогу, соединяющую юг страны, где располагалась моя резиденция с её северной частью. А ведь пища и указания, это тот единственный базис, что держит всю несокрушимую машину моей… самой справедливой и самой обожаемой власти… -ехидная ухмылка искривила черты лица монарха.

Никогда ещё я не испытывал столь неприятныхчувств, как тогда, – монарх побледнел, в его глазах отражался весь ужас, который тот, видимо пережил в тот момент, лоб его покрылся испариной, руки сжались. Он крикнул своего слугу, дал ему указание принести напиток, а сам продолжил повествование.

– К счастью – продолжал Сатарп, – мои люди среди коневодов ополчения вовремя успели передать через местного трактирщика данную пренеприятнейшую для меня новость. И я не замедлил принять меры. Это естественно, не ждать же мне, пока оголтелая толпа вооруженных до зубов горожан ворвется ко мне в опочивальню. Это было бы вдвойне печально и несносно, учитывая, что я сам же их и вооружил.

Чтобы выйти из этой трудной ситуации с честью, я решил послать на поиски самых лучших людей из моей гвардии, это были воистинну прекрасные бойцы, естественно, они не обладали возможностями быстрого поиска, а… им была поручена задача физической поддержки одного из лучших моих разведчиков, Остроносого Войчича. Тот давно следил за местными злачными местами, а интуиция у него была такая, что иная служебная собака позавидует. Это была, сами понимаете, моя последняя надежда сохранить власть, ну… если только не обращаться к соседним государствам за помощью.

К счастью, обыскав три квартала, граничащих с трактирчиком, они наткнулись на опростоволосившегося посланца, который уже откупорил очередную бутылочку хереса в компании ворковавших вокруг бездельника. Дальше я знаю со слов моего верного слуги.

Растолкав неудачного любовника, они указали ему остриями шпаг на скатерть, которая выполняла здесь роль двери.

Войчич появился как всегда в последнюю минуту, в своей, расшитой соболем шубе, с пенсне, в отороченом кожей пиджаке и черном котелке, он напоминал либо старого пана, либо австрийского аристократа.

Ты понимаешь, что именно от твоей паршивой головы зависит, чья голова будет на плахе, а чья на подушке королевского трона. К сожалению, я вынужден поэтому охранять твою бошку сильнее, чем мне бы того хотелось, но это ненадолго, если ты не образумишься, и не перестанешь самодурствовать.

С этими словами Войчичвыглянул за скатерть, громко позвал хозяйку, и повелел той принести шайку теплой воды, в которую тут же была погружена голова бедняги.

– На этот раз мы тебя не выпустим из своих рук до ближайшего леса, и только попробуй мне потом где-то потеряться, – Войчич поднес свой кулак к носу, дрожащего как лист, вояки.

– Но… Нас же видели вместе, могут заподозрить… -начал канючить Погрот.

– А ты что это, зря деньги получаешь чтоли? Прийдется отработать зарплату -при этом Войчич похлопал Погрота по плечу, и продолжил уже тише.

– Не переживай, мы все уже продумали. Довезем тебя до леса, как бы на расстрел, а там тебе придется изобразить побег. И никто ничего не заподозрит…

Погрот поник головой, и как-то ссутулился.

– Ведите, -картинно-обреченно кинул он Войчичу, даже не поднимая глаз.

Войчич подумал: «А ещё говорят, что человек наиболее искренен перед лицом смерти, нет, отнюдь, человек перед лицом гибели готов нацепить самую неудобную, самую неправдо-

подобную маску, и делает это настолько искренне, что зрители в крупнейших театрах наверняка бы аплодировали. Главное, чтобы было что прятать под маской».

Двое наемников схватили Погрота за руки и увели, а Войчич медленно снял свои белые перчатки, взял со стола штопор, откупорил бутылку, налил темно-бурый напиток в бокал и отпил. После чего вышел во двор, куда со стороны стойла уже подъехала черная, запряженная мощными длинношерстными першеронами повозка, Войчич, однако не стал забираться внутрь, а заместо этого залез на дрожки, хоть и не была смысла в данном случае бояться за должность, но престиж среди сослуживцев может и пострадать.

«Все равно разболтают ведь, хоть языки им вырезай! Эх, ладно, может заслужу очередную звезду позже, пусть не так помпезно, но награда есть награда, это ещё 400 таллеров прибавки к жалованию, а жена довела, хочет домик на острове, я бы её в тюрьму отдыхать отправил бы, будь моя воля…» -подумал он про себя и кисло ухмыльнулся. В сыске давно шел слух о непокорном и буйном нраве г-жи Войчич.

Учитывая, что муж днями напролет пропадал в самых злачных кабаках и бильярдных, в этом не было ничего удивительного.

Войчич обернулся напоследок, и увидел белый чепчик и милое лицо хозяйки борделя, которая вышла, как бы для того, чтобы развесить свежепостиранное бельё на веревках, а по большей мере для того, чтобы посмотреть на задержание. Он заметил, с какой, елесдерживаемой, яростью она смотрела на их бричку. Даже губы побелели. А сзади, за хозяйкой трактира выбежали дети, и стали хвататься за юбку матери. Войчич понял, что сейчас ему намного более симпатична эта женщина, чем та размазня, которая сейчас поедет в карете вместе с ним.

«Наверное, её муж сейчас в ополчении. Как же мир тяжек для таких людей, всю жизнь горбатятся на самых черных и отвратительных работах, и вот, единственный раз в их жизни вспыхивает в их жизни огонь чего-то на их взгляд романтического, светлого, справедливого, единственный раз выходят они на просторы жизни и ногой сразу попадают в капкан жестокой реальности. И нет им оттуда спасения. И так год за годом, поколение за поколением, так что хоть и вовсе с серости не вылезай. Сама жизнь делает их такими, понуждает к серости»

Почему он сам выбрал именно эту специальность? Наверное, потому, что был жестким прагматиком и брал у жизни лишь то, что она ему давала, и надо сказать давала с избытком. А именно дар понимать и просчитывать ситуацию. При этом был ли он хорошим человеком? Нет, но, если мы зададимся вопросом был ли он профессионалом, ответом будет, безусловно, да.

Так они доехали до ближайшего леска, да это наверняка и нельзя было с полной уверенностью назвать лесом, так пролеском. В таких лесках всегда сначала идут ряды тонких, как вытянутые руки бедняков, берез, и только потом редкие сосны.

Солдаты выпихали растерявшегося Погрота из тарантаса. Тот настолько был растерян, что даже не сопротивлялся, когда его подвели к белому стволу березы, он смирно проследовал за конвоем, правда было заметно, как его глаза стали мокрыми от слез.

Войчича это уже начинало нервировать.

– Ну, что ты тут нюни развел, – обратился он к семенившему впереди Погроту, который то и дело оборачивался, жалобно смотрел на шедшего сзади сыщика, а после дюжины шагов и вовсе схватился за сердце.

– Я знаю, я не выполнил миссию, поэтому вы сейчас меня расстреляете, а ведь у меня семья, детки… Один другого младше. Ни что же вы, -при этих словах Погрот заискивающе начал рыскать глазами в сторону солдат, которые, казалось уже еле сдерживались, от того, чтобы угостить предателя свинцом.

– Эх, Погрот, – обратился к нему сыщик, и сплюнул в мягкую болотную жижу, – с каких это пор ты стал таким образцовым семьянином? Надеюсь, твои детки не пойдут по твоему пути…

На деле же Войчич так и представлял эту грязную, отвратно пахнущую малышню, с рогатками за пазухой, в истоптанных желтых потрескавшихся ботиночках, купленных на субботней распродаже у старьевщика за полцены.

«Туда вам и дорога, яблочко от яблони не далеко падает, а эти оборвыши всё равно никогда не коснутся моей дочери, для них растут подзаборные шлюшки, которые будут отдаваться им за три монеты и глоток вина с куском зачерствелого хлеба»

Больше всего в своей профессии Войчич ненавидел именно эту политкорректность, когда ему приходилось выслушивать их и кивать им, льстить и улыбаться, испытывая на деле откровенную брезгливость по отношению к своим «подопечным», впрочем, он конечно же понимал, что в эти рамки их загоняет сама жизнь, однако от этого не переставал тихо их ненавидеть. Это было уже профессиональным признаком, родовым пятном на совести аристократа по духу, коим мнил себя Войчич.

Войчич тыкнул в пленника дулом своего именного ружья, которое он предварительно достал из кареты.

– Иди уже, – поморщился он- У нас есть важные дела и помимо тебя! Ну а сейчас… Не заставляй нас переигрывать!

А между тем они прошли овраг и приблизились к березовой чаще, было заметно, как сильно нервничает Погрот.

Когда они подошли поближе к деревьям, развязали тому руки, тот и вовсе стал извиваться ужом.

– Как же так?

– Ну вот так, родной, ты как думал, предателей уже использовали, у них нет ни одной козырной карты в рукаве, и вы уже никому по-сути не нужны- Войчич насмешливо бросил в ответ, – вот будет тебе урок…

– Но вы же обещали отпустить?

Войчич словно бы не услышал последнюю фразу. Заместо этого он махнул рукой солдатам и те принялись чистить стволы. Погрот скис, хотя и пытался бодриться. На него был наставлен ствол Войчича, который вдруг резко отвернулся, словно что-то заметил за холмом на опушке.

Словно в пустоту он зашипел:

– Беги, беги сволочь… быстрее! Да не забудь передать там что надо!

Погрот сорвался, и перемахнул разом через несколько, поваленных ветром березовых стволов.

Уже через несколько часов, весь запыханный и взъерошенный, в расположение народного ополчения прибыл посол из города. По его виду можно было заподозрить, что его использовали заместо вола при вспашке. Впрочем, новость, которую тот с собой принес, позволила позабыть про внешний вид посланца. Его сразу же доставили к Отрониксу, в ставку.

– Чтооо? – кричал всегда внешне спокойный военначальник.

– Да, -ещё раз повторил Погрот, взял со стола стакан воды, и тут же разом осушил.

Суть рассказа Погрота заключался в следующем. После того, как бравые ополченцы покинули город, пришло время южных ветров, и на берег поспешили местные рыбаки, начался праздник, тем более, что местная селедка, в красном соусе, считалась одним из излюбленных деликатесов, которые так любили готовить повора в местных кабачках и пабах.

Праздник буквально разлился по городским улицам, вначале была вынесена огромная бадья черной икры, потом у местных дам случилась потасовка, видимо какая-то неосторожная леди, толи руководимая старыми обидами и желанием отомстить, либо по недомыслию

и неосторожности, ухитрилась попасть икрой прямо в самую выпуклую форму соседки. После чего началась ужасная потасовка между слабым полом, закончившаяся сильной дракой, в итоге разнимать бушующий слабый пол пришлось рыбакам.

В итоге многие из дам пригласили своих спасителей в качестве благодарности на домашний ужин… И многие согласились. В итоге домой рыбаки вернулись только засветло.

Все это настолько возмутило ополченцев, что многие тут же начали стрелять в воздух из своих новоприобретенных ружей, и требовать возмездия, из-за чего помещение складского ангара наполнилось дымом и матерными криками.

Те, кто был поближе к выходу выбежали и продолжили феерию с выстрелами и криками уже на улице. После этого было решено оставить по дороге в лес засаду, а самим выдвигаться обратно в деревеньку, чтобы разобраться с обидчиками-рыбаками. План сработал, но, по правде говоря, это была лишь половина плана. В момент общей суматохи из помещения выскользнул и Погрот, который, помня то внушение, которое произошло с ним по дороге, не рискнул своей жизнью, и поспешил в горную долину, расположившуюся невдалеке от богатых ранчо. Там он дал знак рукой некоему старичку, который сидел на белом шезлонге, поглаживая копну шерсти, которая в приближении оказалась белой афганской борзой. Это был пенсионер. Но не простой пенсионер, синьор оказался бывшим начальником отдела спецопераций в правительстве Сатарпа. И знак, поданный ему, буквально означал «Отряд выдвинулся обратно. Можете начинать».

Синьор неспешно забрал свою газету и отправился на задний двор, где его ждали уже два гонца, один из которых направился в штаб, второй же в сторону поселения.

Надо сказать, что в городе действительно проходил фестиваль, и оставшиеся жители деревни, в том числе и рыбаки, лесорубы и крестьяне были на площади.

И прибывшему гонцу надо было только дать сигнал уже подкупленному шпиону, чтобы тот вышел на стихийно организованную для празднества и поздравлений сцену, и начал свою речь.

– В то время, как мы, легковерные, доверили Комитету решать проблемы простых людей, в то время, как мы собрали средства на подготовку мятежа, снабжали их продовольствием, скрывали от служб диктаторского контроля, наши бывшие соратники обманывали нас, они украли деньги, предназначенные для общего выступления, посмотрите, они наверняка набили все свои закрома золотишком! А вот этот уважаемый гражданин, -он указал на Погрота, – решил, что не может больше терпеть это предательство и воровство по отношению к собственному народу. Он убежал из лагеря Комитета, чтобы рассказать нам всю правду! Встретим товарища…

На сцену пробрался Погрот, все ещё запыхавшийся с дороги.

– Соплеменники! – окинул он мрачным взором толпу, – Друзья! Комитет нам врал, что он планирует добиться равных прав для нас, всем им нужно лишь одно, стать элитной гвардией короля и получить свою вотчину, налог на ввоз и вывоз продуктов из нашего региона, и именно это они обсуждали после захвата складов с оружием, я был тому свидетель… А ещё они планируют выступить в наступление на вас, перебить вас всех, потому что не делиться добычей. Вот увидите, они скоро вернутся, чтобы принести нам погибель.

Народ недовольно загудел. Некоторая часть схватилась за вилы, другие пошли за топорами. Третие стали готовить бочки, чтобы давить ими нападающих, или наполнять их порохом.

Тем временем действительно, с восточной стороны послышался звук быстро приближавшихся шагов. С факелами бежали самые отважные и хорошо вооруженные солдаты ополчения, они быстро сломали первую преграду, небольшую баррикаду посреди улицы, их почти

что не достали стрелы, выпущенные жидкой цепью охотников, которые были тотчас же снесены наступающими, которые понесли минимальный ущерб, человек пять было ранено, из них три вполне могли продолжать нападение. Далее, в нападающих покатились горящие бочки, два человека загорелись и побежали в фонтан, чтобы сбить пламя, где их и настигли крестьяне с вилами.

Нападающие рассредоточились по бокам улицы, и тут, внезапно, окна открылись, и кипящее варево полилось на ополченцев. Многие обварились, после чего начали беспорядочную стрельбу по окнам. Надо заметить, что гвардия, подчиняясь приказу, сознательно не вмешивалась в конфликт. Дальше начался штурм зданий, в ход шло все, топоры, вилы, сетки, бочки.

Погрот же заперся на одном из самых верхних этажей собора, нашел келью поуютнее, и зажег керосиновую лампу в углу. Посреди ночи, в соседней келье послышался шорох.

А на улице уже вовсю шло сражение, обороняющиеся крестьяне уже подтащили старую пушку, что давно стояла на берегу, и пытались зарядить старым же ядром, ядро всё-таки полетело, но вторым же выстрелом разорвало саму пушку, и человек шесть полегло тут же. Так что на фоне таких вот разрушений и чудовищного шума Погрот и не заметил, как за ним прокрались два человека, и он тихо так испарился, словно бы его и не было. Не нашли среди горы трупов и военачальника ополчения.

За два дня протестующие с одной стороны города перебили ополченцев с другой стороны города. Войска Сатарпа, фактически, уже собирали тяжелораненых и контуженных, чтобы рассадить по тюрьмам и разослать по лазаретам. Начались пытки и гонения. Под пяту репрессий попало все население страше шестнадцати, население младше шестнадцати попало под учительский надзор, который был ничуть не менее строг, чем военный комендантский. Учеников не выпускали домой с уроков, они жили практически в зданиях школ, оцепленных жандармерией. Так государство, взяв детей в заложники, страховало себя от грядущих беспорядков.

– Вот так-то, – Сатарп отхлебнул холодного гранатового сока, – стравить две стороны, и дело сделано.

Он рассмеялся, так заливисто, так ярко, что стало понятно, что смерть людей и их мучения вызывают у Сатарпа только радость.

В это время на терассу к Сатарпу поднялся смуглый человек в сером костюме с отличной военной выправкой, и вручил тому желтый конверт.

Эг отвернулся, не желая мешать государственным делам. Наступал вечер, и зрелище заката особенно радовало глаз.

Между тем Сатарп спустился в свою комнату и сел за стол, на котором находились его шикарные письменные приспособления.

Дело, изложенное в письме, которое ему было прислано от мэра, касалось необходимости выделить из бюджета некоторую сумму на то, чтобы отремонтировать водоснабжение старого города, и, помимо того, личная просьба мэра о выделении денег на обустройство его секретарши, которой нужны были личные апартаменты в черте города.

Надо сказать, что это был всем известный стиль работы мэра. Чтобы быть полностью уверенным в своих сотрудниках, он их привязывал к себе таким вот образом: покупал им квартиры, строил дачи, за которые тот или иной чиновник должен был расплачиваться долгие годы, естественно ни о каком неисполнении его приказов, или уж тем более о неповиновении не могло идти и речи.

Айра не была исключением. И так как она в течении двух недель уже показала свою сметливость, расположив тем самым мэра, он решил, что пора сделать последний шаг и привязать свою секретаршу к себе ещё более тесными узами.

Ну а между тем, как только на небе взошла луна, в окне у лодочника Ангрина зажегся свет. На пороге стояла незнакомка, довольно красивая женщина азиатской внешности, которая

попросила его доставить посылку на северную пристань. В обход гвардейской стражи, окольными протоками, чтобы никто не заметил, и тем более не конфисковал груз. «Это простое письмо, но о нем никто не должен знать! Стоит только кому-то открыть мою тайну, и мне конец. Кроме того, письмо стоит доставить немедля, я заплачу сколько нужно…»

И вот, чертыхаясь, и матерясь про себя, лодочник уже поднимался по винтовой деревянной лестнице, чтобы собраться в дорогу, и предупредить жену, которая между тем недовольно поглядывала на дверь, мечтая погрузиться в обьятия Морфея, а может быть, если повезет, и в объятия своего супруга.

Лодку сносил сильный ветер. Ивы хлестали по щекам. Эти небольшие протоки были известны лишь особо упертым в своем деле рыбакам, да ещё местным мальчишкам, которые бегали сюда, чтобы пускать кораблики из старых консервных банок.

Вот он уже почти у цели. Как назло, река в конце его пути заканчивалась косой с непредсказуемыми течениями, и выдающимся далеко молом, с каменистым дном.

– Черт побери! – ругнулся старый лодочник, и было отчего.

Днище лодки со скрипом прорезал острый камень. Кроме того, лодка запуталась в чужой сети, которую пришлось перерубить, чтобы вытащить суденышко на берег. Благо для этого в кармане посыльного всегда был острый короткий нож.

Но пакет, уже изрядно подмоченный нужно было доставить. Заказчица пообещала компенсировать все расходы.

И он выбрался на берег, привязав лодку к белесому, потрескавшемуся дереву, выброшенному на берег прибоем. А на освещенном лунным неярким светом побережье его уже ждал немного сутулый, сухой силуэт. Именно так его описывала заказчица.

«Хоть в этом не обманула, а то какого же лешего я перся бы на такое расстояние… Ничего, я тебя найду и стребую с тебя всю сумму ещё и за лодку…» – думал лодочник, хотя и сам, наверняка отлично понимал, что найти эту сеньорину будет довольно проблематично, а денег она дала предостаточно, чтобы не только лодку отремонтировать, но и жене купить долгожданный атласный костюм.

Глава 3. Чиновническая благотворительность, и как из неё выбраться?

На 2 дня раньше.

Айра сегодня встала пораньше, чтобы успеть принести отцу кувшин холодного молока, теплую тряпочку для рук, осибори, и мягкие хлебцы, которыми тот заедал теплый мутный суп, который грелся на большой глиняной печке.

Сегодня был первый день её вступления в должность, и она не должна была подвести.

Она просто не могла подвести ни своего отца, ни свою большую семью, о существовании которой наверняка не догадывался её работодатель.

За окном было мокро, теплый утренний дождик пролился на землю, лишь только первые лучи солнца легли на старую черепичную крышу, которая хорошо виднелась из окна на втором этаже, дом извозчика был построен по образцу древней пагоды.

Именно поэтому перед этим окном Айра так любила проводить чайные церемонии, из него же был виден небольшой красивый парк на углу. Деревья там были с такими причудливыми ветками, что казалось, что это и не ветки вовсе, а некие пальцы древнего чудовища, которое застыло от чар древней магии, в ожидании того, кто сможет разглядеть его истинную сущность.

Вот и на этот раз она расположилась на циновке, около подноса с горячим керамическим чайником чаоу и маленькими деревянными палочками на блюдце, в котором горкой расположились мелко порезанные фрукты. Поднесла горячий, предварительно подогретый в кипятке, чайник, к маленькой глянцевой чашечке, и горячий напиток, по дороге исторгая белые облачка пара, причудливо скользящего к потолку, заструился на донышко.

Восточная культура с её полным погружением в природную естественность была неимоверно близка этим небогатым людям, для которых понятие чести и честности было долгом, а долг был делом непререкаемым.

Как и это созерцание, посреди бумажных перегородок, которые отгораживали бытие и сознание конкретного человека, создавая для него его целостность.

Еще вчера их дом навестил посланник от мэра, который принес распоряжение, согласно которому сегодня был первый рабочий день Айры в новой должности.

Она немного нервничала, помимо всего она переживала за своего отца, которого она до этого никогда не оставляла надолго. Сегодня же ей пришлось надолго покинуть его, покинуть родные стены седзи, пусть это всего лишь стилизация под их родную культуру, культуру древнего племени айнов. Но свершения не терпят покоя.

Обязанности и обязательства превыше всего. И это такая же неотъемлимая часть её культуры, как и знаменитые китайские поклоны.

Сегодня первый день в новой должности. Именно поэтому Айра провела в созерцании прекрасной природной панорамы минут пятнадцать, не более. После чего она собрала корзинку, куда положила несколько красных наливных яблочек, кусочки говядины в белой полупрозрачной бумаге, мешочек длинного риса.

Дорога в мэрию шла через небольшой мост. Справа была установлена фигура древнего идола, которому раньше поклонялись горожане, а за ней находилась небольшая горка. Обычно Айра туда не заглядывала, но сегодня что-то потянуло её туда, по этим каменистым дорожкам, которые, извиваясб лабиринтом неизменно приводили путника на самую верхушку горки,

откуда через редкие ветви черных и искореженных временем деревьев выглядывало вечно молодое солнце.

Её туфли-лодочки неторопливо шоркали по булыжникам, она знала, что, если быстро взберется по тропинке вверх, сможет понаблюдать за восходом солнца, а потом спуститься с обратной стороны.

Айра знала, в жизни, так же. Надо выбрать правильную сторону для подъема на гору успеха, и уметь вовремя спуститься, желательно не растеряв по дороге все свои силы.

Дойдя до желтых зданий, отделяющих жилую часть города от чиновничьей, она увидела, как просыпаются немногочисленные городские кафе, как долговязые разносчики в коричневых штанах и темных форменных шапочках спешат куда-то с бумажными пакетами, а официанты в белых накрахмаленных фартуках выносят на длинные досчатые летние веранды горшки с цветами.

Цоканье лошадинных ног звучало явным диссонансом среди городской тишины. Проезжая мимо Айры извозчики, почти совсем мальчишки поворачивались в её сторону, улыбались и приподнимали полу шляпы, выражая симпатию молодой красивой китаянке, которая поспешила в такую рань выйти в город, который ещё не проснулся после воскресного кутежа. Медленно ступала она по мостовой, задумчивая, как маленький, и ещё в силу возраста несмелый лесной зверек.

Пока она шла, несколько извозчиков хотели подвезти её на своих бричках, она лишь мотала своей маленькой, словно игрушечной головой с прической, напоминающей нечто, похожее на уши панды, и торопилась перейти на другую сторону улицы. Но вот последнего извозчика она притормозила, и попросила подвезти её, хотя до здания городского совета оставалось уже буквально два перекрестка.

И вот уже она шагает по красно-белому граниту. Впереди несколько дверей. Сзади её окликает человек в ливрее.

– Доброго вам дня, госпожа… -в такте этому старичку с седыми усами отказать было нельзя. – Вас здесь ждут?

Айра немного смутилась.

– Вас ещё не предупредили? Я новый секретарь господина Мэра.

– Ах так… -развел руками служащий. – Меня просто не известили. Извольте после работы выписать разрешение на вход.

После чего он раскланялся и небольшими шажками отступил к дверям.

– Хорошо, -откликнулась девушка и поспешила на рабочее место.

Мэр уже сидел в своем кресле, и думал о предстоящей встрече с сотрудницей.

«Ну с одной стороны сейчас я смогу ещё больше реальной работы перепоручить ей, в оставшееся время я смогу организовать встречи с нужными мне купцами и торговцами. На носу выборы, каждому надо чего-то пообещать. А там уже, глядишь, и народ подтянется. Ах, да, -вспомнил тут мэр, -надо же подписать бумагу о том, чтобы наконец выкопали этот самый злосчастный колодец. Ну а девушку… – в мэре проснулась, до того дремавшая, его приобретенная со времени первых в его жизни выборов, осторожность. Её надо связать по рукам и ногам, ей надо такой кляп в рот вставить, чтобы она не о чем не проговорилась. Как бы это провернуть? …Знаю. Надо заставить её думать о деньгах более, нежели о словах. Найду ей домик поближе к мэрии, может, и совмещу приятное с полезным» – с этими мыслями мэр улыбнулся сам себе, и взял в руки, стоящий на самом краю прямоугольника из зеленого сукна, служащего обивкой оного, позолоченный колокольчик, и принялся звонить.

Дверь неторопливо распахнулась и в приоткрытую щелочку протиснулась тонкая фигура бывшей китайской разносчицы.

– Как хорошо, что ты все же появилась, Айра! Я хотел бы с тобой обсудить все детали нашего с тобой… хммм… контракта.

Мэр шаркнул шуфляткой стола, и достал небольшую, фигурную гильотину, с двумя лезвиями, и золотой фигуркой ангела сверху.

Повернувшись он достал из шкафа небольшую эбонитовую коробочку, и начал вертеть в пальцах черную сигарную трубочку.

– Вы, конечно же понимаете, что работа у меня в мэрии это серьёзная проверка характера? – мэр прикурил и затянулся, выпустив через пару секунд в воздух большое облако дыма

– Конечно.

– Порой придется выполнять некоторые… щекотливые задания, вы конечно понимаете? – подойдя к окну, чиновник своими тонкими изнеженными пальцами отодвинул занавеску, после чего оглянулся на девушку, и улыбнувшись добавил. Иногда придётся подзадержаться, а улицы у нас неспокойные.

– Не волнуйтесь, мы постараемся, чтобы ваша работа была спокойной и тихой….– на последних словах натянутая улыбка расплылась на губах чиновника.

– Именно для этого, – продолжил мэр, – мы решили предоставить вам с помощью нашего знакомого банкира квартиру, естественно, вам прийдется выплатить остаток суммы, – мэр тут же замахал руками, выражая этим жестом, что беспокоиться не о чем, – ваши зарплаты легко покроют эти суммы. Не переживайте.

Айра сидела в уголке, и спокойно смотрела на чиновника, и у него порой складывалось впечатление, что на него смотрит белая гипсовая маска. Может она настолько испуганна? А может быть наоборот уверенна?

Тут белая маска очнулась.

– Да, конечно, я тоже думаю, что так будет лучше.

– Ну вот на этом и порешим, а сейчас я покажу вам ваше место, – мэр двинулся в сторону коридора, и девушка последовала вслед за ним.

Вторая комнатка была отделана куда скромнее, деревянные стены, серые камни, в углу небольшой стол темного дерева.

Бумаги в углу за столом, свидетельствовали о том, что дел у мэра накопилось не так уж и мало. Впрочем, на самом деле объяснение было очень простое. Показатели на выборах в основном обеспечивали нужные связи среди купцов, плюс популистская политика два месяца до выборов. Все остальные вопросы плотным грузом ложились на каменный холодный пол мэрской приемной, а иногда, под действием осеннего ветерка слетали прямо под ноги мэрской секретарше, отправляясь в мусорник.

Естественно, можно было жаловаться на бездеятельность мэра, но, поскольку главный чиновник города был исключительно крепко связан с любыми значимыми торговцами в округе, он мог незначительным мановением большого пальца левой руки направить недовольство в нужное русло, если была в том необходимость, поднимались в местных печатных органах, если нужно было «задушить» протест в зародыше, то информация не успев просочиться в главные редакции города, сразу, через городских глашатаев на каретах мэрии доставлялась торговцам, которые уже сами решали проблему. Естественно, что бузотеры сразу же оказывались на улице. Но за последнее время мэр с головой ушел в предвыборную деятельность, что ему уже было не до обращений граждан. Он ведь, к тому же, планировал скоро покинуть должность мэра и перейти на должность главного советника по экономическим делам при Сатарпе. Так что пора было менять систему взаимодействия с обществом, да и девушке будет чем заняться, пусть себе кропает ответы, занимается нуднейшим делом разбора чужих проблем, а дело общения с купеческим сословием останется в руках мэра, как и прежде.

Айра посмотрела на высокую стопку бумаг, и вдруг заявила:

– Если вы сделаете полочки у стенки, я с удовольствием разберу эти бумаги для вас, мне также понадобиться бумага с мэрскими факсимиле, для ответа на запросы, и несколько бланков для особо важных писем с вашей особой печатью.

Этим безусловным согласием она буквально огорошила мэра, такую работу делать за зарплату, на это немногие согласятся.

– Хорошо, – улыбнулся он.

А я пока пошлю за банкиром, чтобы он уже приготовил все бумаги для кредита. Кроме того, он же подищет вам новое жилье. Уже вечером, перед окончанием рабочего дня, я уверен, что вы сможете оформить все формальности и завтра переедете.

– Хорошо, а сейчас я, пожалуй, займусь переборкой документов, – улыбнулась девушка, и склонила голову на плечо, что напомнило мэру детские годы, когда он ещё представлял себя капитаном большого белого парусника, а рядом ему улыбалось прекрасное улыбчивое существо с синими глазами, тонкими пльцами и светлыми волосами, вдохновляя на дальнейшие свершения, ах, если бы он тогда стал плотником, и начал бы строить свой корабль мечты… Впрочем корабль мечты- дорогое удовольствие, под силу только мэру, ну а мэру оно, это удовольствие и незачем. Покататься он может и так. Правда никакой мечтой уже это развлечение и не отдает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.